ЕВГЕНИЯ И АНТОН

ГРАНОВСКИЕ

МЕСТО, ГДЕ ВСЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

В детективах полуночи старинные легенды оживают в современности. Окунитесь в мистические тайны и ощутите дыхание неведомого...

детектив полуночи

Антон Грановский
Евгения Грановская

Место, где все заканчивается

Серия «Маша Любимова и Глеб Корсак. Следствие ведут профессионалы», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947495
Место, где все заканчивается : роман: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57770-5

Аннотация

Майор Маша Любимова впервые столкнулась с таким странным преступником – он оставил на теле жертвы татуировку в виде штрихкода. Считав его, Маша и ее коллеги вышли на страничку в Интернете и получили послание от убийцы, который назвал себя Лицедеем. Он обещал, что вскоре расправится с одним из сотрудников опергруппы…

Глеб Корсак был в ярости: как он мог допустить похищение Маши чуть ли не у него на глазах! Вскоре Глеб получил сообщение от Лицедея и, следуя его инструкциям, стал обладателем одного из изданий старинного «Чернокнижия»: по преданию, если собрать вместе все четыре экземпляра, можно

вызвать дьявола! Новое письмо от таинственного преступника не заставило себя ждать: он требовал книгу в обмен на жизнь Маши…

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
1 9
2 18
3 35
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Антон Грановский
Место, где все заканчивается

Пролог

Мальчик шел по тротуару, прижимая к себе черный футляр со скрипкой, и походка у него была странной: он словно плыл сквозь густой, пропитанный бензиновыми парами городской воздух, медленно, как во сне, и взгляд у него был такой же – рассеянный, не принадлежащий этому миру.

Мальчик был погружен в себя, в свои мысли, он вновь и вновь прокручивал перед глазами то, что ему пришлось сегодня увидеть.

Сегодня мальчик впервые увидел смерть. Она прошла так близко от него, что, казалось, он почувствовал на своем лице ее ледяное дыхание. А еще – ее запах: тяжелый, сладковатый.

Перед его глазами встало лицо с огромным шрамом, рассекающим надвое лоб, и с жуткими глазами. Один глаз был черный, блестящий, пронзительный, а второй – белый, мертвый и холодный, как мраморный шарик.

– Ты больше не скрипач, – сказал ему страшный человек. – Видишь мое лицо?

– Да, – сказал мальчик.

– Будешь болтать лишнее – у тебя будет такое же!

Мальчик тряхнул головой, прогоняя жуткое видение, и двинулся дальше.

Путь его лежал вдоль длинной витрины магазина «Хозтовары». Дойдя до ее середины, мальчик остановился, повернул голову и посмотрел на свое отражение в мерцающем стекле витрины. Он представил себе, что у него нет лица. Просто гладкая кожа – там, где должны быть глаза, нос и рот. Или даже страшнее: что его лицо – это черная дыра, воронка с клубящейся внутри тьмой.

Мальчик улыбнулся и сделал шаг назад, чтобы увидеть себя во весь рост. И в этот миг что-то случилось. Воздух взорвался оглушительным грохотом и визгом, а на его отражение стремительно наплыла тьма, словно огромная птица пронеслась по улице и накрыла его своим черным крылом.

Он зажмурился и вскрикнул, и в этот миг на плечо ему легла рука. Рука была легкая, почти невесомая.

– Мальчик, что с тобой?

Он открыл глаза. Теперь в витрине магазина отражались двое – он и черноволосая девочка с бледным, строгим лицом.

– Что случилось? – хрипло спросил он.

Девочка повернулась и посмотрела туда, куда унеслась черная тень. Вновь посмотрела на него.

– Это была машина, – сказала она. – Грузовик. Ты сошел с бордюра, и он тебя чуть не сбил.

Вот оно что – грузовик! Так подумала эта девочка… Что ж, пускай. Тайное и великое всегда проявляет себя в привычном и обыденном. Нас окружают знаки, но мы не всегда умеем их читать.

Он пристально посмотрел на девочку и вдруг узнал ее.

– Ты была в подвале, – проговорил он, не то удивленно, не то испуганно.

– Да, я там была, – ответила девочка, по-прежнему внимательно его разглядывая.

– Значит… ты все видела? – Голос сел, мальчик слегка побледнел. – Ты видела, как я сделал*это*?

– Да, – вновь сказала она. – Я все видела.

Голос девочки звучал спокойно, словно она говорила о самых обычных вещах. Но он-то знал, что сделанное изменит его навсегда.

И вдруг она наклонилась и поцеловала его в губы своими холодными, сухими губами. Он опешил. А девочка выпрямилась, посмотрела ему в глаза и спросила:

– Ты ведь меня никогда не убьешь?

– Нет, – растерянно ответил он.

– А если я тебя когда-нибудь попрошу? Сама попрошу. Ты сделаешь это?

– Я… не знаю.

Она усмехнулась и посмотрела на черный футляр, который он все еще держал под мышкой. Он тоже посмотрел на футляр. Потом огляделся, увидел поблизости большую ка-

менную урну, подошел к ней и швырнул туда футляр. Скрипка ему больше не понадобится.

Когда он поворачивался к девочке, на какое-то мгновение ему показалось, что руки у него все еще в крови. Он поднял руки к лицу и посмотрел на них. Нет, чистые.

Он понял, что крови не нужно бояться, потому что ее всегда можно смыть. И еще он понял, что больше не боится смерти. Потому что отныне он и есть Смерть.

Глава 1
Двадцать лет спустя

1

Некогда бизнесмен, а ныне политик, Владимир Маркович Черновец закончил речь, и зал взорвался бурей аплодисментов. Черновец с улыбкой поклонился. Он знал, что публика его любит, несмотря на то что его консультанты по имиджу в один голос заявляли, что харизма у него скорее отрицательная, нежели положительная. Но он не хотел ничего менять. В России люди не доверяют улыбчивым красавцам, они доверяют тем, кто внушает не только любовь и уважение, но и чувство легкой тревоги, готовое перерасти в страх. Россияне не ценят тех, кого не побаиваются.

Выглядел политик Черновец довольно-таки импозантно. Загорелая кожа, седые, коротко стриженные волосы. Лицо круглое, губы мягко очерчены. Глаза голубые и ироничные, но в их живом взгляде сквозит что-то холодновато-жесткое, от чего глаза эти кажутся немного неуместными на круглом добродушном лице.

Вскоре пресс-конференция закончилась, и в зале началась обычная толкотня.

Молодые люди в двубортных пиджаках аккуратно, но жестко оттесняли журналистов, пробивая в их гуще узкий тоннель для пробиравшегося к выходу Черновца.

– Владимир Маркович! – пробился сквозь крики журналистов низкий чувственный женский голос. – Короткое интервью для молодежного журнала!

Политик обернулся на красивый голос и увидел прямо перед собой нежное девичье лицо в темных очках.

– Эту – ко мне в машину, – бросил политик одному из телохранителей, когда девичье лицо снова исчезло среди других лиц.

Тот кивнул и растворился в толпе.

Через пять минут Владимир Маркович сидел на заднем сиденье черного «Мерседеса». А рядом с ним, поджав красивые длинные ноги, примостилась журналистка.

Журналистка говорила что-то насчет возрастания процента преступности, о подростках, с которыми нужно заниматься особо, а Владимир Маркович неотрывно смотрел на ее ноги, и в голове его проносились соблазнительные видения, в которых фигурировали корсет и длинные перчатки из черного латекса, сверкающие цепи и черная кожаная плеть с изящной рукояткой, сделанной в виде возбужденного фаллоса.

– Владимир Маркович, что вы об этом думаете? – спросила журналистка.

Политик с большим неудовольствием оторвал взор от ее

смуглых коленок и, улыбнувшись, сказал:

– Милая моя, это слишком сложные вопросы, чтобы обсуждать их в машине. Это тема для большого подробного разговора.

– Так давайте устроим большой разговор! – оживилась журналистка. – Наше издание готово выделить под этот материал четыре полосы.

Владимир Маркович прищурился:

– Чем же я заслужил столь пристальное внимание молодежного журнала?

– Вы очень интересный человек! – заверила его журналистка. – Бывший спортсмен, удачливый бизнесмен… Вы построили бизнес-империю с нуля. А теперь занялись политикой, и здесь вам тоже сопутствует успех.

– Ну, политик я пока еще начинающий, – скромно возразил Черновец. – Хотя амбиции у меня, честно признаюсь, далеко не шуточные. Так, значит, вы хотите, чтобы я дал вам подробное интервью? – Владимир Маркович улыбнулся мягкой отеческой улыбкой и как бы невзначай положил руку девушке на коленку. – На целых четыре полосы?

Журналистка смутилась, но руку его со своей коленки не убрала.

– Я была бы рада, если бы вы согласились.

– Гм… – Владимир Маркович задумчиво сдвинул брови. – Вот как мы поступим. Сейчас я собираюсь заехать домой – переодеться, отдохнуть, перекусить. Вы можете по-

ехать со мной. У нас будет пара часов, чтобы все обсудить. Согласны?

– Согласна! – обрадованно кивнула девушка, но тут же смутилась еще больше.

– Вот и хорошо. Саша, поехали! – окликнул он водителя.

Тот кивнул и завел машину. «Мерседес» мягко тронулся с места. Черновец снова взглянул на журналистку:

– Как вас зовут, милая?

– Анжела, – ответила та.

– Анжелочка, я собираюсь выпить немного коньяка, чтобы снять усталость. Надеюсь, вы меня поддержите?

– Право, я даже не знаю…

– Не отказывайтесь. Коньяк хороший, французский.

Владимир Маркович нажал на едва приметную кнопку на дверце. Достал из выехавшего пенала бутылку коньяка и два бокала, свинтил крышку, наполнил бокалы. Протянул один Анжеле.

– Ну что – за знакомство?

– За знакомство! – улыбнулась она.

Двадцать минут спустя «Мерседес» въехал во двор элитного дома и остановился возле первого подъезда. Водитель выскочил из салона и открыл перед начальником дверцу.

– Проводить вас до квартиры, Владимир Маркович? – спросил водитель, когда политик и его спутница выбрались наружу.

Черновец качнул седовласой головой:

– Не надо. Мы с Анжелочкой прекрасно дойдем сами. Верно, Анжелочка?

– Верно, – улыбнулась девушка.

Она была уже немного пьяна.

– Сегодня работы больше не будет, Сашок, – сказал Владимир Маркович. – Поезжай домой и отдохни как следует. Последние дни были напряженными.

– Хорошо, Владимир Маркович!

Черновец обнял девушку за талию и повел ее к подъезду.

– Всего доброго, Владимир Маркович!

Черновец не обернулся, лишь поднял руку.

Водитель забрался в «Мерседес», а Черновец, остановившись у черной железной двери подъезда, набрал код, распахнул дверь, положил ладонь журналистке на ягодицу и легонько подтолкнул ее внутрь.

Войдя в ярко освещенный подъезд, политик плотно прикрыл за собой дверь, обхватил Анжелу за тонкую талию, притянул к себе и жадно впился губами в ее губы. Журналистка не сопротивлялась. Она обхватила ладонями его ягодицы и прижалась к нему еще плотнее. Черновец ощутил сквозь брюки жар ее бедер и почувствовал, что шалеет от страсти.

– Потише, Владимир Маркович, – прошептала она с улыбкой.

– Сними очки! – потребовал он и хотел было стянуть их с ее тонкого, изящного носа, но девушка остановила его руку.

– Не сейчас, – сказала она. – Потом.

– Стесняешься смотреть мне в глаза? – усмехнулся Черновец.

Она улыбнулась:

– Нет. Просто здесь очень яркие лампы, а у меня светобоязнь.

– Ну, потом так потом.

Черновец развернул ее и нетерпеливо подтолкнул по направлению к лифту:

– Пойдем скорей! Тебе у меня понравится!

Черновец долго не мог попасть ключом в замочную скважину – коньяк уже давал о себе знать.

– Дайте я попробую, – проворковала Анжела, вынула из подрагивающих пальцев политика ключ, и через мгновение дверь была открыта.

– Ты умница, – сказал Черновец и попытался поцеловать красотку, но она кокетливо увернулась и проскользнула в квартиру.

Владимир Маркович последовал за ней.

Через десять минут они сидели за столиком в интимном полумраке, и Черновец, потея от вожделения, разливал по фужерам шампанское «Кристалл», бутылочка которого всегда имелась у него в холодильнике.

– За любовь и взаимопонимание! – сказал Черновец.

– За любовь! – поддержала девушка этот тост.

Раздался мелодичный звон хрусталя, а вслед за тем – смешок Анжелы:

– Ой! Шампанское ударило в нос! Даже слезы выступили! – Она сделала еще один глоток: – Боже мой, вкусно-то как! Никогда такое не пробовала!

– Милая моя, – снисходительно протянул Черновец, – а что ты вообще пробовала? Что тебе могли предложить твои кавалеры? Шипучку по пять долларов за бутылку?

– Однако у моих кавалеров есть одно преимущество, – игриво заметила Анжела.

– Это какое же? – вскинул брови Владимир Маркович.

– Они молоды! – ответила Анжела.

Черновец презрительно хмыкнул:

– Тоже мне, преимущество! Сейчас я тебе покажу такое, что твоим соплякам и в эротических снах не снилось.

Он поставил бокал, обнял Анжелу за шею, притянул ее к себе и поцеловал.

– Ах ты, маленькая искусительница, – ласково прорычал Владимир Маркович. – Посиди здесь, попей шампанского, а я – в ванную комнату. Только смотри – никуда не уходи!

– Не уйду, – пообещала Анжела.

Он вновь поцеловал ее, поднялся с дивана и двинулся в ванную комнату, намереваясь слегка освежиться после тяжелого дня, стоившего ему немало нервов и пота. Пять встреч, четыре совещания… Некогда рубашку сменить, не то что принять душ. Черновец вспомнил пухлые губы и длинные ноги журналистки, а потом представил ее голой. «Ох, черт, – улыбнулся он, – и как же приятно иногда бывает отдохнуть!

Еще бы скинуть лет десяток, но это, увы, никому еще не удавалось. Хотя…»

Пройдя пару шагов, Владимир Маркович услышал, что девушка у него за спиной что-то тихонько напевает. Он усмехнулся и двинулся было дальше, но вдруг остановился. Голос был странный, как будто и не Анжелин вовсе.

Мой мир огромен,
А я так скромен.
Вся жизнь спектакль —
Я в ней актер.
Актер – Лицедей,
Добряк и злодей…

Черновец оглянулся, и его словно ледяной волной окатило. Девушка стояла рядом с ним, совсем близко, невероятно близко, впритык, и смотрела на него черными глазницами очков.

– Что ты…

Она подняла руки и положила пальцы на шею Черновца. Он почувствовал странный холод, исходивший от этих пальцев, – смертельный холод, от которого кровь застыла у него в жилах.

– У тебя на шее висит цепочка, – сказала журналистка странным, изменившимся голосом. – А на цепочке – ключ. Будь добр, отдай его мне.

Политик облизнул пересохшие губы. Лицо девушки пока-

залось ему каким-то неестественным. Слишком гладким оно было, слишком непроницаемым – словно бы неживым.

– Кто ты? – хрипло спросил Владимир Маркович.

– Я? – девушка улыбнулась. – Твоя смерть.

Владимир Маркович почувствовал легкое давление на свою шею, словно журналистка слегка переместила палец. В ушах у него зашумело, перед глазами все поплыло, ноги подкосились, а в следующий миг он тяжело, как куль с мукой, рухнул на пол.

Журналистка наклонилась, сорвала с его шеи плоский электронный ключ вместе со стальной цепочкой. Выпрямилась и двинулась к стеллажу с книгами, за которым был спрятан потайной сейф.

2

Отец майора полиции Маши Любимовой был когда-то следователем прокуратуры. Но лет двадцать пять тому назад он совершил ошибку, из-за которой в тюрьму попал невиновный. Исправить ошибку удалось только через полтора года.

Казалось бы, срок небольшой, но невинно осужденный оказался человеком слабым, и эти полтора года сломили его – и физически, и морально. Отец не смог себе этого простить, ушел из прокуратуры и занялся адвокатской деятельностью, в которой не слишком-то преуспел.

На пенсию Любимов-старший вышел четыре года тому назад и полностью посвятил все свое время любимому занятию – рыбалке. Когда нельзя было рыбачить, Любимов смотрел по телевизору футбол. И от первого, и от второго он приходил в состояние величайшего возбуждения.

Маша взяла из шкафа коробку с лекарствами, которую отец брезгливо называл «аптечкой смертника», поставила ее на стол, уселась в кресло и принялась перебирать лекарства, раскладывая их по отделениям.

Отец занял свое обычное место в глубоком плюшевом кресле и проворчал:

– Ты смотри… Опять америкосы собираются кого-то бомбить!

– Они собираются бомбить Иран, – сказала Маша.

– Иран? Ты уверена?

– Да.

Отец посмотрел на нее строгим взглядом и поинтересовался:

– За что?

– За то, что там делают атомную бомбу, – ответила Маша, продолжая копаться в аптечке.

– А какое до этого дело американцам?

– В Иране правят исламские фундаменталисты, – сказала Маша. – Они представляют собою угрозу для всего цивилизованного мира.

Любимов насмешливо посмотрел на нее поверх очков:

– Это кто сказал?

– Американцы.

– Америка-анцы! – протянул отец и прищурился. – Скажи-ка мне, детеныш, иранские войска вошли хоть в одну страну мира?

– Вроде нет.

– А американские?

– Ну… американские есть везде.

– Иранцы бомбили хоть одну страну за последние двадцать лет?

– По-моему, нет.

– А американцы?

Маша вздохнула:

– Эти кого только не бомбили!

– Так кто из этих двух опаснее – Америка или Иран?

– Иран, – сказала Маша.

– Почему?

– Потому что я их боюсь. Пап, хватит донимать меня вопросами. Лучше скажи – почему ты не принимаешь лекарства, которые я тебе привезла на прошлой неделе?

Отец фыркнул:

– Вот еще! Я здоровый мужик и не собираюсь травить себя всякой химической дрянью!

– Эта «дрянь» продлит тебе жизнь лет на двадцать.

– И зачем мне это надо?

– Мало ли зачем! Чтобы удить рыбу. Или смотреть футбол. Или ругаться из-за политики.

Любимов усмехнулся:

– Звучит довольно-таки убого. Нет уж, милая! Пусть твоя мать глотает химию и втирает ее в кожу. Возможно, ей и впрямь удастся победить старость, хотя лично я в этом сильно сомневаюсь. – Он вновь усмехнулся и добавил: – Если, конечно, твоя мать не вампир, что, в принципе, я вполне допускаю.

Маша отвела взгляд от аптечки и посмотрела на отца с упреком:

– Пап!

– А что – я всего лишь предположил. – Любимов бросил взгляд на экран телевизора (звук по настоянию Маши был

выключен) и ворчливо объявил: – Твои любимые американцы – выродженцы!

– Во-первых, они не мои, – возразила Маша, вновь занявшись лекарствами. – А во-вторых – не любимые.

– Все равно, – твердо сказал Любимов, – у них нет будущего.

Маша хмыкнула.

– А у нас?

– Ты про Россию?

– Угу.

Отец нахмурился:

– Дите, ты меня пугаешь. Неужели ты настолько глупа? Где же твоя хваленая женская интуиция?

– Дома забыла, когда к тебе собиралась.

– Оно и видно. – Отец поднял палец и назидательно проговорил: – Запомни, Маша: даже если все страны мира рухнут в бездну, Россия уцелеет!

– Еще скажи, что нас бог бережет.

Отец дернул щекой и небрежно обронил:

– Бога нет. Разве тебе в школе не рассказывали?

– Рассказывали. Но у тетенек, которые мне это рассказывали, были слишком неприятные и глупые лица, поэтому я не очень-то им доверяла. Пап, ты что – опять курил?

– Не говори глупости, – отрезал Любимов.

Маша достала из аптечки окурок и показала его отцу:

– Это ведь заначка!

Любимов посмотрел на Машу поверх очков и снисходительно проговорил:

– Ты будешь устраивать мне сцену из-за какого-то жалкого окурка? Тебе не кажется, что это уже слишком?

Маша вздохнула:

– Ох, папа, гляди – доиграешься! Вот сдам тебя в дом престарелых, будешь знать.

– Испугала, – хмыкнул Любимов. – Да я с радостью туда пойду. Хорошая компания единомышленников, симпатичные сиделки… Будет с кем потрепаться о болячках и будет кого ущипнуть за задницу.

– Смотри, не перепутай, когда будешь щипать, – сказала Маша.

– Я еще не настолько стар, чтобы спутать сочный персик со старческим отвислым задом.

Маша улыбнулась.

– Ну да, ты у нас известный ловелас. Черт, еще один окурок! – Маша грозно сверкнула на отца глазами. – Пап, я тебе на полном серьезе говорю: кончай себя убивать. Ты мне нужен живым – еще хотя бы лет двадцать.

– Через двадцать лет ты сама превратишься в старушку, – сказал Любимов. – Думаешь, я жажду насладиться этим унылым зрелищем?

– Через двадцать лет люди придумают способ не стареть, – возразила Маша.

– Ага. – Любимов саркастически усмехнулся. – И будут

помирать молодыми. Вот это уж точно зрелище не для меня. – Он качнул седовласой головой. – Нет, дите, уволь. У меня в гараже бак с самогонкой – вот допью его и отчалю к праотцам.

– Я выброшу этот бак, – сказала Маша.

Любимов поморщился:

– Ты не способна на такую глупость. Там пятнадцать литров.

– Еще как способна! Ты же сам сказал, что я глупая.

– Да, но не настолько же!

Отец взял дистанционный пульт и принялся «прыгать» по телеканалам. Некоторое время оба молчали. Маша шуршала блистерами и коробками, Любимов-старший хмуро смотрел в телевизор. Потом он вздохнул и спросил:

– Когда Митьку приведешь?

– Он тебе за позапрошлые выходные еще не надоел? – иронично уточнила Маша.

– Скорее уж я ему.

– Вот это – точно нет. Он потом три дня ни о чем, кроме вашей рыбалки, говорить не мог. Караси, окуни, прикормка… Замучил меня совсем.

От Маши не укрылось, что по губам отца скользнула счастливая улыбка. Но он тут же вновь нахмурился и фыркнул:

– Разве это рыбалка! Он еще не видел настоящей рыбалки! Вот погоди – мы с ним сорокакилограммового сома вы-

тянем!

– Может, лучше не надо? А то утянет вас этот «сорокакилограммовый» на дно речное, и придется вам отрастить рыбьи хвосты и стать русалками. – Маша взглянула на отца. – Слушай, пап, а вот интересно: бывают русалки – мужчины?

– Бывают, – хмуро ответил Любимов. – Я одного такого «русала» видел.

Маша прищурилась:

– Ты про моего бывшего?

– Угу. И про того, который был до него. Везет тебе на русалов, дитеныш! Кстати, как давно ты говорила с матерью?

Маша не считала, что это «кстати», но ответила:

– Сегодня. Перед тем, как поехать к тебе.

– Она тебе звонила или ты ей?

– Она мне.

Любимов ухмыльнулся:

– Наверное, интересовалась, не окочурился ли я еще.

– Пап!

– Ладно, шучу. Эта старая вертихвостка еще не разорилась?

– Может, позвонишь ей и сам обо всем расспросишь?

Старик фыркнул:

– Вот еще! Меня не интересует ее жизнь.

– Правда?

– Мы с ней давно чужие люди.

– Мне так не кажется.

– Ты просто не разбираешься в людях и ни черта не смыслишь в жизни! – заявил отец.

Маша усмехнулась:

– Может быть.

Она снова уткнулась в «аптечку смертника», и тут в дверь позвонили.

– Кого там еще нелегкая принесла? – скривился Любимов.

Маша встала из-за стола.

– Пойду открою.

– Не надо!

– Почему?

Отец посмотрел на Машу хмурым взглядом и заявил:

– Надоели эти проходимцы.

– Ты про кого?

– А то ты не знаешь! «Картошку надо?» «Лук надо?» А то еще листовки разносят…

– Думаешь, это продавцы или рекламщики?

Любимов саркастически проговорил:

– А кто же еще? Детеныш, ко мне уже давно никто не ходит.

Маша пожала плечами и снова села за стол. В дверь опять позвонили. И еще раз. И еще.

Отец строго посмотрел на Машу:

– Ну? Что ты сидишь?

Маша растерянно моргнула:

– Ты же сам сказал – не открывать.

– Продавцы овощей никогда не звонят по два раза подряд! Тем более по три!

– Правда?

Любимов вздохнул:

– Боже, дите, в каком мире ты живешь?

– Обычно я возвращаюсь домой поздно вечером, когда продавцы овощей уже спят.

И снова в дверь позвонили.

– Так ты откроешь или так и будешь сидеть и хлопать глазами? – с усталой обреченностью в голосе произнес отец.

– Сейчас.

Открывать дверь Любимова шла, обиженно насупившись, но когда открыла, от обиды и злости не осталось и следа.

– Дядь Валера!

– Марусенька!

Доктор Валерий Николаевич Авен вошел в прихожую и обнял Машу.

– Сто лет тебя не видел! Ты все такая же красавица!

– А вы стали еще импозантнее!

Валерий Николаевич был высок, дорого и со вкусом одет, на его ухоженном пожилом лице сверкали молодые голубые глаза.

– Ну? – весело спросил Авен. – Где твой тиран?

– Сидит в гостиной и ругает американцев.

Дядь Валера улыбнулся:

– Это его обычное состояние.

– Дите, кто там?! – крикнул из гостиной Любимов-старший.

– Это Валерий Николаевич! Авен!

– Тащи этого бродягу сюда!

Маша провела Авена в гостиную.

– Наконец-то! – воскликнул отец, увидев старого друга. – Хоть один умный человек за весь день. Веришь ли, эта глупая девчонка чуть с ума меня не свела, доказывая, что Америка – это светоч гуманизма и пацифизма!

– Пап, не передергивай, ничего такого я не доказывала.

– Не спорь с отцом! – строго сказал ей Любимов.

После того как дорогого гостя усадили за стол и угостили чаем и Авен и Любимов обменялись десятком реплик, обсудив положение дел в мире и парочку общих знакомых, Валерий Николаевич повернулся к Маше.

– Марусь, как у тебя дела на работе? – поинтересовался он, попивая чай.

Маша улыбнулась:

– Спасибо, что спросили, дядь Валер. Папе на мои дела совершенно наплевать.

Доктор Авен улыбнулся:

– Твой папа прилагает немало усилий, чтобы казаться бесчувственным негодяем, но у него это плохо получается.

Любимов крякнул:

– Полегче, Согардон Армагеддонович, я все еще здесь!

– Так как твои дела, Марусь?

– Да все как обычно. Мы ловим преступников, а они от нас бегают. А в промежутках между этой беготней мы перебираем бумажки и подклеиваем их в дела. Дядь Валер, вы доктор, отец вас послушает. Скажите ему, чтобы не саботировал лечебный процесс и вовремя глотал таблетки.

– Я доктор-биохимик, а твой отец считает всех ученых шарлатанами, – возразил Валерий Николаевич. – Но ты права. Слышишь, Саня, твоя дочь права! Если ты не будешь глотать таблетки, помрешь молодым. И сорокакилограммовый сом так и останется твоей несбыточной мечтой!

Любимов сдвинул седеющие брови.

– И ты туда же? Вы что сегодня – сговорились свести меня с ума?

Маша и Валерий Николаевич переглянулись и прыснули от смеха. Авен отпил чаю и посмотрел на Машу теплым, почти отцовским взглядом.

– Ты выглядишь усталой. Трудное дело?

– Да так, ерунда. Но ерунда эта отняла много сил и времени.

– Какой-нибудь алкаш, стукнувший утюгом соседку, когда ты пришла попросить щепотку соли?

Маша улыбнулась:

– Если бы! Вы слышали о том, что случилось с Черновцом?

– С политиком-то? – Валерий Николаевич наморщил лоб. – Кажется, слышал. Он сейчас в больнице и до сих пор

не пришел в сознание, верно?

– Верно. Только говорят, что он уже никогда не придет в сознание. Нас заставили все проверить. Глупость, конечно, там ведь все очевидно – инсульт, болезни, возраст… Но начальство велело, и мы взяли под козырек.

– И как? Проверили?

Маша кивнула:

– Да. Вся эта морока отняла у нас два дня. И начальство терзало звонками – по пять раз в день. Старик устал отвечать и переправлял их прямо на мой мобильник.

– Старик – это…

– Полковник Жук, наш начальник отдела. – Маша вздохнула. – Одним словом, вымотали так, что сил нет. И все на пустом месте.

– Да, неприятно, – согласился Авен.

– Может, хватит? – не выдержал наконец Любимов-старший, который терпеть не мог разговор про убийства и уголовников. – Нашли тему для разговора!

– Саня, не пыхти, – мягко осадил его доктор Валерий Николаевич. Взглянул на Машу и спросил: – Значит, инсульт в чистом виде?

– Чистее не бывает. Хорошо хоть «Скорая» быстро приехала. Секретарь Черновца не мог до него дозвониться, чтобы напомнить о важной встрече, поэтому приехал к нему домой. Дверь была открыта. Секретарь вошел и увидел, что Черновец лежит на полу. Сразу вызвал врачей. Зайди он ми-

нут на двадцать позже, и… В общем, вы понимаете.

Валерий Николаевич покивал, помолчал задумчиво и проговорил:

– А ты знаешь, когда-то я был довольно близко знаком с Черновцом. Давно, еще в начале девяностых. Он тогда был тридцатилетним инженером в каком-то НИИ. Потом началась вся эта карусель с введением «дикого капитализма», и Черновец оседлал волну. Быстро, буквально в одночасье, разбогател. Говорят, не без криминала.

– Ну, куда ж без этого, – хмыкнул Любимов-старший. – Они тогда все быстро богатели. Не все, правда, дожили до сорока лет.

– Да… – протянул Авен. – Жаль Володьку. Двадцать лет тому назад он был вполне приличным человеком.

– Ну, может, еще выкарабкается, – неуверенно сказала Маша.

Валерий Николаевич допил чай и поставил чашку на блюдце. Посмотрел на Машу и негромко уточнил:

– Значит, инсульт, и ничего больше?

– Инсульт, и ничего больше, – кивнула Маша. – Телесных повреждений нет. Квартира чистая, ничего не сломано и не взломано, никаких отпечатков. Дверь целехонька. За стеллажом с книгами мы нашли сейф с электронным замком. Ключ лежал на письменном столе. На ключе никаких отпечатков, кроме пальчиков самого Черновца.

– А что в сейфе? – поинтересовался Валерий Николаевич.

Маша улыбнулась:

– «Золото-брильянты», что же еще! Деньги, больше ста тысяч «зеленых». Несколько золотых швейцарских часов. В общем, обычная заначка на черный день.

– И не надоело вам обсуждать эту ерунду? – насмешливо поинтересовался Любимов. – Нет бы о рыбалке поговорить! Или о футболе. Вот вы, например, знаете, что в Москве-реке водится рыба берш?

– Нет, – сказала Маша. – А есть такая рыба?

– Есть. Притом очень редкая. Я вытянул одного в прошлом году, на Бронницких спиннинговых соревнованиях.

– И как он выглядит? – поинтересовался доктор Авен.

– Как берш, – ответил Любимов. – А вы знаете, что однажды я выловил из нашей реки настоящего зеркального карпа! И, между прочим, он весил…

– Пять килограмм! – хором закончили за него Маша и доктор Авен.

Валерий Николаевич улыбнулся:

– Саня, прости, но твои рыболовные байки не отличаются разнообразием.

– Это потому, что вы не слушаете, – проворчал Любимов. – Вот Митька – хороший, благодарный слушатель. Попомните мое слово – из него вырастет отличный рыбак.

– Рада за него, – сказала Маша. И вновь повернулась к Авену: – Валерий Николаевич…

– Скучно мне с вами, – проворчал Любимов. – «Сей-

фы-отпечатки…» Никакой романтики! Пойду сварю себе кофе.

Он поднялся из кресла.

Маша удивленно воззрилась на отца:

– Откуда у тебя кофе?

– Из магазина, – насмешливо ответил он.

– Ты покупаешь кофе?

– Нет, мне его дарят – за красивые глаза.

– Пап, врачи строго-настрого запретили тебе…

– Можешь показать мне хоть одного врача, который дожил до ста пятидесяти лет? – иронично осведомился Любимов.

– Нет, – вынуждена была признать Маша.

– Тогда сиди и не выступай. Армагеддоныч, тебе с молоком?

– Саня, я не пью кофе.

– И этот туда же, – мрачно изрек Любимов. Тяжело вздохнул и добавил: – Куда катится наш мир? Скоро люди будут глотать одну лишь дистиллированную воду, заедая ее соевыми галетами! – Глаза Любимов блеснули. – Знаете что? Можете катиться в тартарары вместе со всем своим кастрированным миром, помешавшимся на зеленом чае, а я буду пить кофе!

С этими словами он гордо покинул комнату.

Мария перевела взгляд на доктора Авена.

– Видели? И что прикажете с ним делать?

– Смириться, – сказал Валерий Николаевич. – Или под-

менить ему кофе напитком из цикория.

– Это идея, – улыбнулась Маша.

В сумочке, лежавшей на диване, запиликал мобильник. Маша извинилась и достала трубку. Глянула на дисплей, нахмурилась и поднесла телефон к уху.

– Слушаю, Андрей Сергеич!

– Мария Александровна, вы сейчас не заняты ничем важным?

– Нет.

– У нас новый труп. Место – район станции метро «Добрынинская». Волохова и Данилова я известил, они выехали. Эксперты также уже в пути. Как скоро вы сможете подъехать?

Маша прикинула в уме время, которое ей предстояло потратить на дорогу, и ответила:

– Думаю, через полчаса буду на месте.

– Хорошо. Записывайте адрес…

Маша достала из сумочки блокнот и записала.

– Данилов и Волохов введут вас в курс дела, – продолжил полковник. – Когда осмóтритесь, позвоните мне и подробно обо всем сообщите.

– Слушаюсь.

Полковник Жук отключил связь. Маша убрала мобильник в сумку, посмотрела на Авена и сказала:

– Мне нужно бежать, Валерий Николаевич. Приятно вам провести время со старым ворчуном. И не поддавайтесь на

провокации, если он предложит вам покурить или начнет расхваливать «великолепный первач», который стоит у него в гараже.

– Постараюсь, – с улыбкой заверил ее Авен.

3

Со Стасом Даниловым они встретились возле указанного места. Он как раз выбирался из машины, когда Любимова окликнула его:

– Стасис!

– О, привет, Марусь! С синхронным прибытием тебя!

Данилов одарил ее улыбкой, которая сразила наповал уже немало женщин, и посмотрел на нее серыми глазами, способными вскружить голову и юной старлетке, и многоопытной даме. Следом за ним из машины выбрался Толя Волохов. Кивнул Маше, пригладил огромной ладонью ежик русых волос, поскреб ногтями небритую щеку и уставился на старинный, недавно отреставрированный особняк, в котором располагалась частная больница.

– Не знал, что частные клиники можно открывать в старинных дворянских особняках, – пробасил он.

– Почему нет? – поинтересовался Стас.

Толя кивнул на бронзовую табличку, привинченную к стене, и сказал:

– Это же памятник архитектуры. Начало девятнадцатого века.

– Толя, не будь наивным, – сказала Маша. – Старик сказал, что вы введете меня в курс дела. Можете приступать.

Они двинулись к особняку, и Стас в нескольких фразах

обрисовал ситуацию. Известный бизнесмен и начинающий политик Владимир Маркович Черновец находится в одной из палат этой замечательной клиники. Около сорока минут тому назад аппарат искусственного жизнеобеспечения закоротило. Кто-то вылил на него стакан воды, предварительно отсоединив верхнюю часть панели. При этом известно, что в момент аварии в палату к Черновцу никто не входил.

– Значит, Черновец мертв, – невесело констатировала Маша, поднимаясь по мраморным ступенькам.

– Мертвее не бывает, – отозвался Стас.

– Надо же! Перед тем как поехать сюда, я как раз говорила о нем с одним старым знакомым.

Стас хмыкнул:

– Нашли тему для беседы!

– Человек окочурился на больничной койке, не выходя из комы, – прогудел Толя Волохов. – Не понимаю, зачем было гнать сюда целую толпу оперов?

– Ты здесь лишь для того, чтобы оттенять мое великолепие, – сказал на это Стас.

– Нет, правда! Сначала заставили нас выяснять обстоятельства, при которых его хватил инсульт. Теперь пригнали сюда. Уж который день мы водим хороводы вокруг этого Черновца. Будто у нас других дел нет!

– Станешь богатым бизнесменом, и вокруг тебя тоже будут водить хороводы, – заверил его Данилов.

Холл клиники был небольшим, но шикарным, под стать

особняку. Стены обшиты ореховыми панелями, под потолком – гипсовая лепнина. С потолка свисала огромная хрустальная люстра.

– Красиво, как в раю, – сказал Стас.

– И мрачно, как в аду, – изрек Волохов. – О, а вон и церберы!

Три охранника в синих форменных пиджаках стояли возле электронной рамки металлодетектора. Еще один сидел за компьютером, стоявшим на столике.

Охранники взглянули на Машу с интересом, пробежались взглядами по ее стройной фигуре.

– Ох, Марусь, – тихо сказал Стас, – сдается мне, эти парни собираются посмотреть, что у тебя под одеждой.

– Перебьются, – сказала Любимова.

Подойдя к турникетам, Маша кивнула охранникам и сказала:

– Мы из полиции.

– Предъявите документы, – потребовал один из них.

Маша достала из сумочки удостоверение сотрудника ГУВД и показала его молодым людям.

– Годится? – спросила она.

– Да, – ответил один из них.

Маша и ребята прошли через рамку металлодетектора. На Стаса рамка среагировала, и он откинул полу куртки и показал кобуру с пистолетом.

– У вас пистолет, – сурово произнес охранник.

– Угадал.

– У вас есть разрешение на его применение?

– Слыхала, Маш? – усмехнулся Стас. – Тут у них все по-взрослому. – Он достал разрешение и сунул его под нос охраннику. – На, любуйся, недоверчивый ты мой.

Охранник ознакомился с разрешением и кивнул:

– Можете пройти. Вам нужна палата номер восемь, по лестнице на третий этаж и направо. Или воспользуйтесь лифтом.

Поднимаясь по лестнице, Стас заметил:

– Охрана у них тут покруче, чем в Кремле. Мышь не проскользнет.

Маша ничего на это не сказала. У нее уже закрались определенные сомнения на этот счет, но озвучивать их она не спешила.

Полчаса спустя, после тщательного осмотра места происшествия, Маша решила перекурить. Толя и Стас составили ей компанию. Стас, будучи приверженцем здорового образа жизни, не курил, но из солидарности стоял рядом с ними и грыз зубочистку.

К ним подошел судмедэксперт Лаврененков, сухой и морщинистый, как старое дерево.

– Ну что, – заговорил он, снимая перчатки, – не знаю, как для вас, а для меня тут все очевидно. Гражданин Черновец лежал на койке, доживая свои последние дни. Но кому-то по-

казалось, что эти дни для него – непозволительная роскошь.

– Значит, его все-таки убили, – констатировал Волохов.

– Убили-то убили, но непонятно как, – сказала Маша. – В момент гибели Черновца рядом с ними никого не было. Это подтверждают две медсестры, которые стояли рядом с его палатой и трепались «за жизнь».

– А сам Черновец не мог этого сделать? – осведомился Толя Волохов, дымя сигаретой.

Лаврененков задумчиво посмотрел на него и сказал:

– Вообще-то мог. Но для этого ему нужно было выйти из комы, подняться с кровати, налить в стакан воду, а потом выплеснуть ее на аппарат искусственного жизнеобеспечения. Да, но за мгновение до этого – пока стакан «завис» в воздухе – вернуться в кровать и погрузиться в кому!

– Я просто предположил…

– Понимаю, – кивнул Лаврененков. – А я просто развил твое предположение.

– Итак, что мы имеем, – подытожила Стас. – В палате больной был один. Окна закрыты. У дверей стояли медсестры. И все же кто-то вылил из стакана воду в аппарат и вывел его из строя. На полтергейст грешить не будем, но все же рационального объяснения этому происшествию нет. Марусь, а ты что скажешь?

Любимова откинула со лба светлую прядь волос и сдвинула темные брови.

– Надо подумать.

Лаврененков улыбнулся и проговорил отеческим голосом:

– Думай, Машенька, думай! Похоже, в нашей компании ты единственная, кто на это способен.

– Я хочу еще раз поговорить с медсестрами, – сказала Маша.

– Поговори, – кивнул Лаврененков. – Но вряд ли они скажут тебе что-нибудь новое. Я пока начну составлять протокол.

– Хорошо, Семен Иванович. Стас и Толя вам помогут.

Медсестер – рыженькую и блондинку – Маша нашла в холле. Белые халатики, белые изящные шапочки, приколотые к волосам заколками. Обе сидели на диване. Рыженькая шмыгала носом. Блондинка, сдвинув брови и уставившись в экран мобильника, отправляла кому-то эсэмэску, постукивая по клавишам длинным красным ногтем.

Маша присела рядом с ними:

– Девчонки, я задам вам еще пару вопросов.

Рыженькая исторгла глубокий горестный вздох и кивнула. Блондинка опустила мобильник, приготовившись слушать.

– Вы уверены, что дверь палаты все время находилась в поле вашего зрения? – спросила Маша.

– Да, – сказала рыженькая. – Мы стояли в шаге от нее.

– Вы слышали какой-нибудь шум?

Рыженькая и блондинка переглянулись. Обе пожали плечами, и рыженькая сказала:

– Да нет, ничего особенного.

– Шума не было, – подтвердила медсестра-блондинка. – Мы просто почувствовали запах чего-то паленого. Знаете, такой бывает, когда проводка горит. Или когда какой-нибудь провод расплавится.

– Кто выходил из палаты Черновца последним и когда в точности это было? – спросила Маша.

– Ну… – Рыженькая слегка смутилась. – Я заглядывала в палату минут за пять до того, как запахло паленым. Все было в порядке, аппарат работал.

– Вы не обратили внимания: быть может, на аппарате стоял стакан с водой?

Медсестра задумалась, наморщив лоб, покачала головой и уверенно проговорила:

– Нет, ничего такого я не видела.

Маша кивнула:

– Хорошо. Кто заходил в палату перед вами?

– В ближайшие пять минут – никто.

– А до этого?

Девушки задумались.

– Не помню, хотя… – начала было рыженькая, но блондинка ее перебила:

– Лукьянов заходил. Ваня. Это наш медбрат.

– Точно! – вспомнила и рыженькая. – Он заходил как раз перед нами! Примерно за пару минут!

Маша слегка прищурила карие глаза:

– Что он там делал?

– Записывал показания для журнала, – ответила рыженькая.

– Сколько времени он там пробыл?

– Недолго. Минуту или около того.

Любимова обдумала ее ответ и вдруг спросила:

– Где у вас холодильник?

– Какой холодильник?! – удивилась рыженькая.

– Обыкновенный. В котором вы храните продукты.

– Какие продукты?

– Пиццу, котлеты, бутерброды… То, что вы едите, когда остаетесь на ночные дежурства.

– А, вы об этом… – Рыженькая покосилась на блондинку, та пожала острыми плечами. – Холодильник стоит в комнате отдыха медперсонала. А что?

– Проводите меня туда, пожалуйста.

Возражений не последовало.

В комнате отдыха Маша открыла холодильник и осмотрела его. Потом заглянула в морозильную камеру, в отделение для льда, после чего повернулась к медсестрам и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.